

Писатель сам ограничивает рамки своей свободы.

Писатель несет в мир такую истину, которую мы не услышим из уст журналистов, ученых и политиков.

Писатель не прислуживает идеологии, потому что во внутренней схватке идеолог всегда победит художника.

Писатель служит только литературе. Служит незаметно и самоотреченно, не соблазняясь славой, деньгами, речами сильных мира сего и величиной тиражей, не потакавая вкусам толпы. И этим бросает вызов устоявшимся практикам.

And so on, and so on, как говорит известный борода-тый философ. Нет, не тот. Другой бородастый философ.

Все эти мифы, несущие на себе печать вульгарного романтизма и упрощенного экзистенциализма, распространены и сегодня – в эпоху, облик которой предельно далек от романтического. И хотя из хорошей литературы исчез высокопарный слог (торжественный пафос без доброй дозы иронии попросту не воспринимается), хотя доверие к бинарным оппозициям утрачено, хотя исключительного героя в исключительных обстоятельствах мы даже не можем себе представить, но образ автора трансформировался не столь радикально. Да, писатель уже не называет себя пророком, и пророчеств от него мало кто ждет, зато привычка мыслить автора как личность свободную и самодостаточную сохранилась.

Теперь в писателе хотят видеть независимого эксперта, способного дать профессиональную оценку действительности, поставить ей честный диагноз. Строгий, неподкупный, вольнолюбивый – три главных критерия, по которым определяется символический статус автора.

Вот почему до сих пор анахроничный запрос на нового Пушкина или Толстого по-прежнему так настоятелен.

Вот почему главный писатель сегодня Пелевин. Главный, потому что самый уважаемый и цитируемый.

Читающая публика жаждет, чтобы автор писал на острые темы, но не соскальзывал в публицистику. Чтобы новый Толстой идентифицировал точки всеобщей тревоги, но не идентифицировал себя через политическое поле и не поддавался идентификации в качестве какого-либо политического агента. Новый Пушкин должен понятным языком говорить о важных вещах и не занимать при этом ничьей стороны. То есть быть на стороне истины, добра и красоты.

Все это симпатично и притягательно, только неосуществимо. Изначальное допущение, будто можно обрести независимость и занимать внешнюю по отношению к

дискурсу позицию, в корне неверно. Замечательно иллюстрирует этот тезис советский мультфильм о козленке, который овладел базовыми арифметическими навыками. Главный герой, обладающий пронизательностью и ошарашивающий остальных фантастическими познаниями, не исключает себя из ряда сосчитанных. Он не освобожден от условий, в которые помещены все пассажиры парусника. Козленок с выдающейся способностью волен либо присоединиться к темному народу, подвергшему его травле, либо замкнуться в гордом индивидуализме и позволить судну тонуть.

У писателя, в отличие от козленка, нет уникальных умений, однако выбор у автора столь же ограниченный.

Без классиков мысли здесь не обойтись. Тем более что на ум так и просится цитата: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

Это Ленин и его работа «Партийная организация и партийная литература». 1905 год.

Когда перечитаешь эту статью, удивляешься: текст, что лет тридцать-сорок назад воспринимался как невежественный и отживший, теперь звучит в высшей степени свежо, перспективно и радикально – очищающе радикально.

Разумеется, ряд моментов устарел. Сегодня у нас нет партии рабочих, в которую литератор мог бы вступить, чтобы верой и правдой служить делу пролетариата. Есть лишь движения вроде «Союза марксистов», «Нового социализма» и «Народной самообороны», еще не дотягивающие по всем параметрам до социал-демократов, эсеров и анархистов ленинских времен. Нет у нас теперь и деления на легальную печать и нелегальную. Нет, наконец, революционной ситуации.

Тем не менее многое в ленинской работе звучит уместно и сегодня. Писатель крепко встроен в систему товар-

но-денежных отношений. Писатель мирится с логикой капитала – с той самой логикой, заложником которой оказывается каждый: издатель, редактор, автор, книжный магазин, читатель. Каждый этап работы с текстом – очередное звено в цепочке отчуждения, каждый этап работы – очередная наценка. Система не нравится никому, но устраивает всех: «Писатель пописывает, читатель почитывает».

Писатель, сознавая зависимость от рынка, маскирует ее под сладкими речами о миссии литературы, о ее выразительных возможностях, о внутренней свободе художника, сбереженной вопреки всему. Маскировал в начале XX века и маскирует сейчас.

Ленин со свойственным ему полемическим задором разоблачает эти идеалистические сказки:

«Господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе – одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? От вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в романах и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству?»

Ленинский посыл заключается и в том, что писатель, объявляющий о сверхзадаче и при этом не покушающийся на символический порядок, никакую сверхзадачу не выполняет. Писатель, декларирующий свободу от политики в литературе, не служит ни литературе, ни свободе.

С позицией Ленина перекликаются идеи немецкого фрейдомарксиста Герберта Маркузе, отраженные в ряде критических статей и в фундаментальном труде «Одномерный человек», вышедшем в 1964 году. Мысли-

тель, обращаясь к послевоенной западной литературе, фиксирует случившийся в ней надлом и утрату протестного потенциала.

Согласно Маркузе, классическое искусство находилось в двойственном положении. С одной стороны, оставаясь привилегией немногих, оно платило дань буржуазному обществу и было крепко с ним связано. С другой – в классическом искусстве воплощался Великий Отказ – акцентированное отрицание и опровержение действительности. Классическая литература, «называя вещи своими именами», уже на интонационном уровне выражала протест против царства повседневного опыта и установившихся в нем принципов. Классическая литература, номинально обозначая согласие с существующими товарно-денежными отношениями, на деле бросала вызов устоявшимся практикам: социальному и экономическому неравенству, бюрократическим злоупотреблениям, дремучим нравам, бытовой пошлости. В этом отличие классических авторов от современных самому Маркузе битников и авангардистов. Последние, изображая из себя бунтарей и новаторов, всего лишь развлекали публику и без затруднений поглощались одномерным обществом.

С шестидесятых годов ситуация не улучшилась.

Наоборот, ухудшилась. И заметно.

Если брать поле русской литературы, то от Ленина здесь обычно воротят нос, а Маркузе и вовсе не знают.

Конечно, есть стойкое ощущение, будто что-то идет не так.

Гонорары уменьшаются.

Тиражи уменьшаются.

Закрываются толстые журналы.

Закрываются книжные магазины.

«Нетфликс» и «Ютуб» уводят книжную аудиторию.

«Инстаграм» еще этот проклятый, ух.

Постирония опять же – все размывает и разъедает.

Люди разучились думать, упростились, обленились, времени не находят книжку почитать.

И прочее, и прочее. То ли знаки грядущего конца света, то ли раздутые тревоги.

Важно задать правильный вопрос.

А какие, собственно, функции выполняет сегодня литература? Помогает познавать мир? Учит отличать прекрасное от безобразного? Прогнозирует мир через столько-то лет? Позволяет расслабиться после трудового дня? Показывает, как устроена психология? Воспитывает и вразумляет?

Нехороший какой-то вопрос. Разве можно литературу к каким-то функциям сводить? Что за утилитарный подход? Школьное литературоведение какое-то, честное слово.

Лучше так: на какие запросы в обществе отвечает сегодня литература?

Можно состроить ученую мину и возразить, что у литературы сугубо имманентные задачи и ни на какие общественные запросы она отвечать не может.

Но все это лукавство, причем легко разоблачаемое. Литература рождается в обществе, существует в нем и обществом же оценивается.

Если мы попробуем ответить на вопрос, на какие же запросы отвечает литература, мы зайдем в тупик. Потому что ни на какие. Безусловно, вызывают интерес конкретные писатели, конкретные книги и писательство как таковое. О, сколько пишущих ломится в Литинститут, издательства и литературные журналы! Сколько блогов расцветает в «Телеграме» и «Инстаграме»! Производство текстов принимает конвейерные масштабы. И потребляются тексты на ура. Каждый порядочный гражданин имеет в смартфоне полсотни подписок в различных соцсетях. А более продвинутые – не меньше двухсот.

Все это не отменяет того, что запрос на художественную литературу падает. Литература не способна предложить что-то такое, что не предложили бы те же «Ютуб», «Нетфликс», «Инстаграм».

Литература не то что не меняет мир – она его не объясняет.

Она больше не воплощает в себе Великий Отказ. Она примирилась с действительностью – нищей, абсурдной, изувеченной, чудовищной. Не то чтобы эта действительность литературу привлекала, но порывать с ней писатели не желают. Ни содержательно, ни формально. Так, чуть-чуть подретушировать, пригладить, реформировать – самое то.

Если вы спросите писателя, особенно публично, он за революцию или против нее, то почти гарантированно услышите: нет-нет, хватит нам революций. Нам не нужен второй Октябрь или второй Майдан (пусть это кардинально разные события), скажет писатель. Дальше лишь мирным путем. Вам станут петь о развитии гражданского общества либо о совершенствовании нравов. Мечта проехаться в локомотиве истории будет встречена со скепсисом или высмеяна. А попытка этот локомотив подкормить будет скорбно осуждена.

Никаких общественных потрясений, никакого разрыва с действительностью, никаких высоких ставок.

Никакого Великого Отказа. Вообще никаких слов с большой буквы. Всякая радикальность осуждается и выносится за рамки хорошего вкуса.

Радикальность объявляется незрелой. За образец зрелости же берется приверженность чистому искусству. То есть искусству, очищенному от политических притязаний. Оттачивай стиль, пиши книжки, следи за своим огородом, пожинай скромный урожай в виде гонораров и благосклонных отзывов.

Звучит пристойно и благородно. Вот только чистое искусство – это жест в первую очередь политический. Слабый, капитулянтский, но политический. Политическое кредо представителя чистого искусства, будучи избавленным от пышных метафор и мудреного синтаксиса, звучало бы так: «Не трогайте меня и не мешайте мне публиковаться». Или совершенствоваться, какая разница.

В какие-то времена излишняя политизированность губит литературу. Сегодня инъекция политикой ее вылечит.

Под политикой следует мыслить, конечно, не расправу с советскими мифами, не суд над отдельными публичными лицами, не стенания по поводу извечных русских бед, не перетряску набившего оскомину набора означающих («власть», «чиновники», «народ»), не тоску по правовому обществу и гражданским свободам, понимаемым в узком ключе – ключе представительской демократии. Все это уже было, и все это исчерпало свой революционный потенциал.

Надо вернуть в литературу идею разрыва с действительностью. Надо вернуть страсть молодого Чернышевского и позднего Толстого, нищешанский пыл Горького и непоколебимую решимость Платонова, на протяжении десятилетий искавшего утопию в мире, разбивавшем утопические устремления вдребезги. И, если на то пошло, вернуть в поле русской литературы задор молодых Маркса и Энгельса и их «Манифеста коммунистической партии». То был жест хулиганский и политический.

Чтобы этот пыл не оказался холостым, не подвис в пространстве между коммунистическими чаяниями и убогой реальностью товарно-денежных отношений, нужны конкретные шаги.

Русская литература, в отличие от предыдущих трех веков, сегодня замыкается на самой себе и ведать не ведает, что делается на мировом интеллектуальном фронте.

Требуется внести в программу писательских курсов и писательских семинаров ознакомление с современной философской мыслью. Хорошая теоретическая подготовка еще никому не вредила. С ней писатель приобретает способность не просто фрагментарно оценивать действительность, а зреть в корень крупнейших диалектических противоречий. Бить в нерв, а не скользить по поверхности, пусть даже детально исследованной и убедительно расписанной.

Требуется объединяться с внесистемными левыми: коммунистами и анархистами. Участвовать с ними в единых программах, помогать рабочему и студенческому движению. Не поверите, но такие движения существуют, пусть пока в локальных масштабах. Выполнять, наконец, просветительские задачи, тем более что ни школа, ни вуз, ни телевидение в должной мере их не выполняют.

Писателям требуется свой профсоюз, отстаивающий наши интересы и координирующий наши усилия. Профсоюз будет основываться на принципах демократического централизма. Внутренние дискуссии и непрерывная работа критики и самокритики – это залог прочности организации. Приспособленцы, предающие общее дело ради личных амбиций, в профсоюзе не задержатся.

Теория без практики мертва, практика без теории обречена.

У козленка из мультфильма было всего два варианта.